

Крах плана «Барбаросса»

В. И. Дашичев*

На рассвете 22 июня 1941 г. германские войска обрушили удар колоссальной силы против Советского Союза. После захвата почти всех континентальных стран Западной Европы и их ресурсов гитлеровское командование приступило к главному и решающему этапу борьбы — за установление полного господства нацистской Германии в Европе.

Военная кампания на Западе в мае–июне 1940 г. принесла Германии не только лавры быстрой победы. Она ознаменовалась и первой серьезной неудачей вермахта, имевшей далеко идущие политические и стратегические последствия: гитлеровские стратеги оказались не в состоянии вывести из войны Англию. То есть создать в преддверии нападения на Советский Союз все условия для решения центральной проблемы своей стратегии — устранения опасности ведения войны на два фронта. Кошмар такой перспективы десятилетиями довлел над умами германских милитаристов.

Поэтому после разгрома Франции перед руководством Германии встала дилемма:

- а) сосредоточить еще до нападения на СССР главные усилия по выводу из войны Англии, чтобы таким образом обезопасить тыл в предстоявшем походе на Восток;
- б) или, оставив пока в стороне Великобританию, обрушить основной удар на Советский Союз.

Для решения этой проблемы руководству Германии пришлось взвесить целый ряд политических, экономических и военно-стратегических

факторов. В первую очередь надо было установить:

- в состоянии ли вермахт осуществить быстрый военный разгром Англии, и если нет, то каковы возможности для сокрушения Советского Союза в стиле блицкрига?
- какую позицию займут в этом случае Соединенные Штаты и как скоро они смогут развернуть свой военный потенциал и активно вмешаться в войну на европейском континенте?
- каковы возможности и условия использования «японского фактора» для совместной борьбы против Советского Союза и отвлечения сил Англии и США от европейского континента?
- на каких военных союзников в Европе можно рассчитывать в войне против СССР?

Поиски выхода из создавшегося стратегического положения породили определенные колебания в военном руководстве вермахта. Первое время оно стало серьезно готовиться к десантной операции против Англии. Но с самого начала эта операция внушала германскому генералитету большие сомнения. Его желанию самым надежным способом — вторжением — нейтрализовать Британские острова противостояли мрачные раздумья. Больше всего нацистские стратеги, имея в перспективе поход на Восток, опасались из-за слабости Германии на море понести крупные материальные и людские потери, а также утратить стратегическую инициативу в результате возможных осложнений и неудач при осуществлении высадки.

---

* Вячеслав Иванович Дашичев — д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН.

За каких-нибудь полтора месяца до нападения на Советский Союз весь мир был потрясен неожиданной сенсацией: 10 мая в Англии, вблизи фамильного замка лорда Гамильтона, приземлился на парашюте заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс. Политики «ломали головы», что бы это могло означать? Предприняло ли нацистское руководство отчаянную попытку договориться перед походом на Восток о перемирии с Лондоном? Или даже пытались вовлечь Англию в борьбу против ненавистного большевизма? Совершил ли Гесс полет в Англию на собственный страх и риск или с ведома и по поручению Гитлера? О чем шла речь на секретных переговорах Гесса с англичанами? Какие результаты они принесли?

На протяжении всей войны и после нее вплоть до наших дней это оставалось и все еще остается до конца и до деталей неразгаданной тайной. Нюрнбергский процесс над главными нацистскими военными преступниками, среди которых был и Гесс, ничего реального не дал в смысле выяснения мотивов и целей миссии Гесса и отношения к ней правительства Черчилля. Летом 1990 г. волею судьбы я оказался непосредственно вовлеченным в хитросплетения полета Гесса. Мне пришлось соприкоснуться — на этот раз совершенно неожиданным образом — с одной из наиболее интригующих и до сего времени неразгаданных тайн Второй мировой войны. Это было в Кёльне, где я участвовал в советско-западногерманском семинаре. Мне позвонили по телефону. Голос в трубке сказал: «С вами говорит сын Рудольфа Гесса — Вольф Рюдигер Гесс. Мне очень хотелось бы повидаться с Вами и передать Вам информацию, которая может пролить новый свет на полет моего отца в Англию 10 мая 1941 года. Я готов приехать в Кёльн вместе с адвокатом моего отца на Нюрнбергском процессе Альфредом Зайдлем в удобное для вас время».

Когда я услышал эти слова, у меня дух перехватило. Ведь сколько бумаги было исписано историками и журналистами о загадочном полете Гесса! Сколько версий с ним связано! А ясности в этом вопросе так и не удалось достигнуть. Я и сам занимался в прошлом этой таинственной историей, но не пришел к какому-либо определенному выводу из-за отсутствия убедительных документальных данных и свидетельств. Неужели Вольф Гесс, наконец, приподнимет завесу над тайной полувековой давности?

На следующий день состоялась наша встреча. Г-н В. Гесс приехал вместе с Зайдлем в Кёльн

из Мюнхена. Передо мной предстал мужчина средних лет, очень высокого роста, с крупными чертами лица и улыбающимися глазами. В отличие от отца, Гесс-младший занялся созидательной деятельностью инженера-строителя. После кратких приветствий он сразу перешел к делу. По его мнению, в исторической литературе и публицистике сложилась неверная трактовка «миссии Гесса» в Англию в 1941 г. Она обычно изображается как попытка заключить с англичанами мир, чтобы обеспечить тыл Германии для нападения на Советский Союз и избежать войны на два фронта. На самом же деле «миссия Гесса», мол, не носила антисоветского характера, а преследовала далеко идущие миротворческие цели — покончить вообще с войной и заключить всеобщий мир.

Правда, выведать у отца истинную подоплеку его загадочного полета оказалось для Гесса-младшего не так просто. На всех его свиданиях с отцом в тюрьме Шпандау всегда присутствовали представители охраны четырех держав, фиксировавшие каждое слово их разговора. У Вольфа Гесса сложилось впечатление, что отец чего-то боялся и всячески избегал затрагивать щекотливую тему. Тогда Вольфу Гессу пришла в голову мысль тайно передать отцу записку с обращенными к нему вопросами. Копию этой записки он передал мне. Записка была написана в Гrefельфинге 27 марта 1984 г. и незаметно для охраны передана Гессу в тюремную камеру французским тюремным священником Шарлем Табелем, а затем возвращена им Гессу-младшему с пометками его отца. Вот ее содержание:

«В связи с моей книгой, известной тебе под названием «Мой отец Рудольф Гесс», и в связи с твоей идеей о заявлении для прессы к 90-летию имеют значение следующие два вопроса:

1. Можно ли исходить из того, что если бы твой полет мира в Великобританию 10 мая 1941 г. увенчался успехом в принципе, т. е. если бы Черчилль объявил, например, о своей готовности к созыву мировой мирной конференции, то немецкое нападение на Советский Союз 22 июня 1941 г. не состоялось бы и тем самым была бы прекращена Вторая мировая война со всеми ее кровопролитиями и опустошениями?
2. Можно ли, по меньшей мере, исходить из того, что после успешного возвращения из Великобритании ты использовал бы в полную меру вес твоего в то время очень большого авторитета для осуществления поли-

тики, обозначенной в пункте 1? Пожалуйста, дай мне на этом листе твой комментарий».

На первый вопрос Р. Гесс ответил: «Само собой разумеется. Наверняка». На второй — аналогично: «Наверняка. Само собой разумеется. Большого об этом сказать не могу». В конце листа Гесс приписал: «Все содержится уже в твоих вопросах». Эти пометки Гесс сделал в присутствии священника Габеля. По мнению Гесса-младшего, эта записка подтверждала версию, согласно которой миссия его отца состояла в том, чтобы покончить со Второй мировой войной путем созыва мирной конференции, но английское правительство не прореагировало на предложения Гесса. Но, чтобы не выглядеть в глазах общественности противницей установления мира в Европе в канун нападения Германии на Советский Союз, английская сторона, по убеждению В. Гесса, до сего времени тщательно скрывает документы. Те, которые были связаны с переговорами его отца в Англии в мае 1941 г.

В. Гесс видел именно в этом причину того, что доступ к документам, проливающим свет на миссию Р. Гесса, будет открыт лишь после 2017 г. Мой собеседник считал, что англичане, опасаясь в последние годы освобождения Гесса из тюрьмы и обнародования им нежелательных для английской политики фактов, постарались убрать «узника Шпандау». Для этого они инсценировали его самоубийство в августе 1987 г. Об этом В. Гесс написал в своей книге «Убийство Рудольфа Гесса». Он был уверен, что его отец не повесился сам на шнуре от настольной лампы, как гласит официальная версия, а был задушен. Одни таинственные загадки Р. Гесса нагромодились на другие!

Откровенно говоря, записка В. Гесса меня не убедила, особенно если учесть весьма тенденциозно (если не сказать большего) сформулированные вопросы. Можно ли поверить, что Гесс преследовал своим полетом в Англию миротворческие цели? Действительно ли он стремился в последний момент положить конец дальнейшему расширению войны и ее превращению в мировую? Хотел ли он предотвратить нападение Гитлера на Советский Союз? Насколько реален был созыв в то время мирной конференции всех держав, включая Советский Союз?

Чтобы ответить на эти вопросы, вспомним, в какой обстановке в мае 1941 г. был совершен полет Гесса в Англию. Сжатая до предела пружина военной машины Германии распрямилась лишь на одну треть. Но и этого было достаточно,

чтобы разгромить Польшу и Францию, захватить Бельгию, Голландию, Люксембург, Норвегию, балканские государства и установить германское господство фактически над всей континентальной Европой, исключая Советский Союз. К 10 мая 1941 г., когда Гесс тайно вылетел в Англию на своем «Мессершмитте 110Е» и выбросился из него на парашюте недалеко от Глазго, немецкий вермахт уже изготовился для очередного прыжка. На этот раз — для осуществления вождельных замыслов Гитлера — покорения России и народов на Востоке. Ради этого так тщательно готовились немецкий тыл (вывод из войны Франции) и стратегические фланги (подчинение Балкан и Скандинавии). Гитлер и его окружение были твердо уверены в быстрой победе. В мае 1941 г. фюрер сравнил Россию с «колоссом на глиняных ногах». После репрессий Сталина против цвета военных кадров страны, после советско-финской войны, выявившей низкую боеспособность Красной армии, у него были для подобных сравнений веские основания. Успешный блицпоход против Советского Союза принес бы Германии неограниченное господство над Европой. Мог ли Гитлер отказаться от прежних завоеваний и от заманчивых перспектив плана «Барбаросса»?

Думаю, что Гитлер не был бы Гитлером, если бы пошел на это. Даже накануне нападения на Польшу и развязывания Второй мировой войны он в одном из выступлений перед генералами выразил опасение, как бы «какая-нибудь каналья» в последний момент не выступила с мирными предложениями и не помешала бы ему бросить вермахт в бой. А тут, после головокружительных военных успехов, в роли такой «канальи» выступает сам Гесс, заместитель фюрера по партии! В мае 1941 г. Гитлер в лучшем случае мог согласиться на сделку с Англией, если бы она признала господствующее положение Германии в Европе и полностью высвободила ее тыл для войны против СССР. Вольф Гесс говорил мне, что накануне полета его отец четыре часа разговаривал с Гитлером. Однако о содержании беседы ничего не известно. Но надо полагать, что свой полет Гесс совершил с ведома Гитлера, хотя 13 мая последний обвинил своего заместителя в измене и бегстве перед самым решающим моментом в истории Германской империи — нападением на Советский Союз. Анализируя логику поведения и замыслы ставки Гитлера, можно прийти к выводу, что ни объективно, ни субъективно тогдашнее руководство Германии не пошло бы

по своей воле на созыв мирной конференции и прекращение войны.

Ну, а что можно сказать о позиции английского правительства, лично Черчилля? В Лондоне прекрасно сознавали, что с Германией Гитлера у Англии не может быть более никаких сделок. Об этом достаточно убедительно говорил печальный пример Мюнхенского соглашения. Черчилль был настроен вести войну во имя сокрушения гитлеровской тирании бескомпромиссно, до конца, и если вынудит обстановка, даже из колоний. Он воспринимал Гитлера и его тоталитарный режим как смертельную опасность для Англии и не сомневался в том, что в противостоянии нацистской экспансии рано или поздно возникнет великая коалиция, которая объединит Великобританию, США, Советский Союз и другие государства. В мае 1941 г. Черчилль уже располагал точными данными о готовившемся ударе вермахта по Советскому Союзу и даже сигнализировал об этом Сталину. Дать Гитлеру свободу рук на Востоке, чтобы оказаться затем в положении его очередной жертвы? Черчилль пойти на это не мог. Это было бы верхом государственной глупости. Следовательно, и в Англии миссия Гесса была обречена на провал.

Остается предполагать, что даже если Р. Гесс действительно руководствовался миротворческими устремлениями, то он совершенно неверно оценил обстановку, сложившуюся к маю 1941 г. Совершив свой полет, он оказался в положении человека, далекого от реальности. Возможно также, что он, будучи приверженцем геополитики и зная ее законы, хорошо понимал, что дальнейшее развитие событий войны неизбежно приведет к созданию мировой антигерманской коалиции, и Германия вынуждена будет вести длительную борьбу на два фронта против превосходящих сил, что, как показал опыт Первой мировой войны, окончится для нее тотальным поражением. В этом свете его полет в Англию можно рассматривать как шаг отчаяния.

Но это лишь возможные варианты. Разгадка тайны Гесса еще впереди, когда историки получат доступ к документам, раскрывающим содержание его переговоров в Англии. Но все же можно считать, что главной целью миссии Гесса было нейтрализовать Англию на период войны против Советского Союза. Об этом пишет в книге «Мирная ловушка Черчилля» официальный историограф английского МИД Аллен Мартин. Он писал, что Черчилль, желая ввести

немцев в заблуждение, дал им понять, что он якобы заинтересован в переговорах с германскими представителями и в примирении с Германией. На самом деле он, как дальновидный политик, отлично сознавал, что Гитлеру нельзя предоставлять свободный тыл на Западе, чтобы позволить без труда разгромить Советский Союз. Он несколько не сомневался, что после выполнения этой задачи Гитлер повернет против Англии. В этом смысле Черчилль был намного мудрее и дальновиднее Сталина, развязавшего Германии пактом 1939 г. руки для войны на Западе и не отдававшего себе при этом отчета в том, чем же это может обернуться в дальнейшем для Советского Союза.

Независимо от активно проводившегося по многим каналам мирного зондажа для поисков возможных соглашений с Англией германское руководство приняло в середине 1940 г. твердое решение о нападении на Советский Союз. «Если Россия будет разгромлена, — говорил Гитлер на совещаниях в ставке 31 июля 1940 г., — Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. В соответствии с этим рассуждением Россия должна была быть ликвидированной»¹. Нападение на СССР, по расчетам нацистских стратегов, сулило успех только в том случае, если бы удалось молниеносно разгромить Красную Армию. Еще до того, как Англия, а также, как можно было предполагать, США развернут широкие действия против Германии.

Поэтому оценка возможной линии стратегического поведения англосаксонских держав приобретала для руководства вермахта особый смысл. Оно не могло не заметить, как на протяжении второй половины 1940 и первой половины 1941 г. Соединенные Штаты в ускоряющемся темпе совершали эволюцию от дружественного по отношению к Англии нейтралитета к позиции ее «невоюющего союзника». В августе 1940 г. в Лондоне состоялись «предварительные» англо-американские штабные переговоры, в сентябре — была достигнута договоренность о передаче Англии 50 американских эсминцев. После переизбрания президента Рузвельта в ноябре 1940 г. на третий срок американское правительство, преодолевая сопротивление изоляционистов внутри страны, стало открыто проводить внешнюю политику под девизом: «Спасем Америку, помогая Великобритании».

Важным шагом на пути формирования англо-американского союза явилось принятие

11 марта 1941 г. конгрессом США закона о ленд-лизе. Он давал президенту неограниченные полномочия в предоставлении военной и прочей помощи странам, защита которых считалась «жизненно важной» для безопасности США. Выступление Рузвельта 17 марта по случаю вступления в силу этого закона было расценено командованием вермахта как по существу объявление войны Германии².

В принятом 27 марта 1941 г. англо-американском соглашении были заложены основы совместной глобальной стратегии США и Англии в войне против Германии и Японии³. Главным противником была признана Германия и соответственно решающим театром войны — Европа и Атлантика. После разгрома Германии основные усилия предполагалось направить против Японии. Общие стратегические установки предусматривали:

- оборону Британских островов как главной базы для развертывания в будущем военных действий против Германии;
- усиление блокады и воздушных налетов на Германию;
- захват плацдармов в бассейне Средиземного моря для осуществления десантных операций на юге Европы;
- обеспечение американским флотом морских коммуникаций в Атлантике;
- перенесение главных усилий английского флота на Средиземное море и пр.

На переговорах был также решен вопрос о создании англо-американских органов высшего стратегического руководства. Характерно, что в совместных военных планах США и Англии первой половины 1941 г. Советскому Союзу не отводилось никакой роли⁴, хотя государственный департамент еще в январе 1941 г. получил первые данные о готовившемся походе вермахта на Восток, а в последующем эти данные были значительно умножены. Такая позиция США и Англии объяснялась не только инерцией их антисоветской политики, но и очень низкой оценкой с их стороны военной мощи Советского Союза⁵. 14 июня Объединенный разведывательный комитет сделал вывод, что Германии потребуется самое большее шесть недель, чтобы взять Москву⁶. В докладе военного министра США Стимсона, представленном 23 июня Рузвельту, говорилось, что Германия сокрушит Советский Союз «по меньшей мере за один месяц, а вероятнее всего за три месяца» и поэтому в войне англосаксонских держав против Германии и Япо-

нии Россия будет лишь временным союзником, как Польша в 1939 г. или Франция в 1940 году⁷.

По некоторым открытым акциям администрации Рузвельта нацистское военно-политическое руководство могло судить о медленном, но неуклонном вползании США в войну. Но развертывание их вооруженных сил проводилось медленными темпами и к осени 1941 г., имея 40 дивизий низкой боеспособности, они все еще были не в состоянии активно участвовать в военных действиях на европейском континенте. Неуязвимость США позволяла им до поры до времени не торопиться с вступлением в войну, извлекая большие выгоды из своего положения «третьего радующегося».

Как же оценивало «фактор США» в преддверии нападения на Советский Союз германское руководство? Оно бесспорно учитывало очевидную возможность столкновения с Соединенными Штатами, однако полагало, что это произойдет не ранее 1942 г. Немецкий военный атташе в Вашингтоне генерал Беттихер доносил 11 марта 1941 г., что США лишь в 1942 г. достигнут полной готовности к войне. В сообщении поверенного Германии в США от 16 мая говорилось: «Для Америки важно выиграть время, по возможности до 1945 г. Здесь имеется стремление оттянуть решение, по крайней мере, до 1942 г., когда военная промышленность будет полностью поставлена на военные рельсы». Этого мнения придерживался и Гитлер. 30 марта 1941 г. на совещании в ставке он заявил, что максимального уровня производства США достигнут только через четыре года. Такой срок нацистские стратеги считали вполне достаточным, чтобы не только сокрушить Советский Союз, но и подготовиться к глобальной схватке с англосаксами.

Что касается Англии, то она, по оценке германского командования, не могла быть на ближайшее время после нападения на СССР сколько-нибудь существенной помехой для Германии. К середине 1941 г. на территории английской метрополии находилось около 37 дивизий. Этих сил было недостаточно для развертывания крупных военных операций на европейском континенте летом 1941 г. Тем более, что Британия была связана своими имперскими интересами на Средиземном море, Ближнем Востоке и в других регионах. Однако в перспективе, и весьма недалекой, она была способна стать большой угрозой для стратегических позиций Германии в Западной и Южной Европе. Уже в 1940 и 1941 гг.

она превзошла Германию или не уступала ей по производству самолетов, автомобилей, танков, самоходных орудий и некоторых других видов военной техники. В 1941 г. английская промышленность выпустила 20 100 самолетов, немецкая — 11 030, танков соответственно 4855 и 5200⁸. Кроме того, с марта по декабрь 1941 г. Англия получила из США по ленд-лизу 2400 самолетов. У нее имелись большие возможности для наращивания своих вооруженных сил, в том числе сухопутных войск. Это ставило германское руководство перед необходимостью провести военную кампанию против Советского Союза в минимальные сроки.

В таких условиях чрезвычайно важное значение для Германии приобретала координация стратегических действий с ее союзниками — Японией и Италией. Это было главной целью заключенного 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта. Германская дипломатия предпринимала энергичные усилия, чтобы втянуть Японию в активные действия в Юго-Восточной Азии и создать в ее лице противовес Англии и США. Кроме того, нацистское руководство рассчитывало получить от нее поддержку в войне против Советского Союза, в том числе в форме вооруженного выступления на Дальнем Востоке.

17 декабря 1940 г. Гитлер приказал разработать директиву верховного главнокомандования (ОКВ) относительно военного сотрудничества с Японией. В качестве «цели, к которой стремится Германия», он требовал предусмотреть в ней «по возможности скорейшее вовлечение Японии в активные действия на Дальнем Востоке». «Чем скорее Япония выступит, — говорил он, — тем более благоприятная военная обстановка возникнет для нее. Она должна овладеть Сингапуром и всеми источниками сырья, в которых нуждается для продолжения войны, особенно если в нее вступит Америка» Эти соображения легли в основу директивы ОКВ № 24 от 5 марта 1941 г. В ней особо подчеркивалось, что операция «Барбаросса» создаст благоприятные политические и военные условия для экспансии Японии в Юго-Восточной Азии.

На переговорах с министром иностранных дел Японии Мацуокой в Берлине в марте 1941 г. Гитлер уговаривал японцев ударить по позициям Англии. «Редко в истории, — говорил он, — можно было бы подвергаться меньшему риску, чем сейчас, когда в Европе свирепствует война, Англия связана там, Америка только начинает вооружаться, Япония является сильнейшей

державой в восточноазиатском пространстве, а Россия не может действовать, так как перед ее западными границами стоят 150 немецких дивизий. Такая возможность больше не повторится, она уникальна в истории»⁹. Гитлер заверял Мацуоку в том, что если Россия станет угрожать Японии в случае продвижения последней в Юго-Восточной Азии, он не станет ни секунды медлить и нападет на нее. Тут же он добавил, что не верит в подобные действия со стороны России¹⁰.

Аналогичные гарантии Гитлер давал Мацуоке против Соединенных Штатов. В конфиденциальных беседах с японскими представителями руководители Третьей империи называли и желательный срок вступления Японии в войну против Англии — май 1941 г., на который первоначально было назначено нападение на Советский Союз.

По мере приближения начала операции «Барбаросса» в планах германского руководства все большее место стали занимать расчеты на привлечение Японии к непосредственному участию в войне против

Советского Союза, чтобы вынудить его вести борьбу на два фронта. 5 июня японский посол в Берлине Осима сообщил в Токио о своей беседе с главой Германии: «Гитлер сказал, что он давно вынашивал мечту ликвидировать коммунистический Советский Союз и до сегодняшнего дня еще не оставил ее... Какую позицию займет Япония в германо-советской войне, целиком зависит от наших собственных желаний. Следовательно, для Японии оставляется открытой возможность вступить в войну лишь позже, после объявления Германией войны Советскому Союзу, если Япония захочет выступить на стороне Германии. Из его рассуждений явствовало, что Японию нельзя освободить от обязательств, вытекающих из союза. Он интересовался положением Владивостока, мощью советских подводных лодок и территориями, которые заняла Япония во время сибирского конфликта. Отсюда я пришел к выводу, что для него желательно японское участие»¹¹.

Некоторые круги Японии были увлечены заманчивой перспективой похода на Россию, разрисованной Гитлером. Весьма одобрительно относился к подобной идее Мацуока. Он призывал императора Хирохито отменить начавшуюся с 16 апреля подготовку японского наступления в южном направлении и сначала напасть на СССР, чтобы добиться «генерального решения русской проблемы»¹². Однако это мнение не раз-

деляли наиболее влиятельные круги Японии, заинтересованные прежде всего в южной экспансии и учитывавшие опыт Хасана и Халхин-гола. Они с пониманием относились к предложениям их немецких союзников захватить Сингапур.

У германского руководства существовали определенные надежды, что быстрый разгром Советского Союза наряду с активным выступлением Японии на стороне Германии настолько изменят расстановку сил на мировой арене в пользу Тройственного пакта, что это вынудит Соединенные Штаты остаться в стороне от войны¹³.

В отчете о беседе с Риббентропом 4 июня Осима писал: «Относительно американской позиции в случае возникновения германо-советской войны здесь придерживаются взгляда, что Америка по рукам будет связана помощью Англии и в настоящее время не может оказать эффективной поддержки Советскому Союзу. Существует далее уверенность, что сокрушительная победа Германии над Советским Союзом может иметь своим следствием то, что Америка откажется вступить в войну на стороне Англии»¹⁴.

Стремления германской дипломатии втянуть Японию в войну против СССР не увенчались успехом. Японские правящие круги предпочитали не обострять отношений с Советским Союзом, чтобы иметь возможность развивать экспансию в сторону южных морей. С этой целью 13 апреля 1941 г. они пошли на заключение с СССР пакта о нейтралитете, рассчитывая отказаться от него, как только это станет выгодным для Японии. Руководители Германии особенно не возражали против подобного шага Японии, так как пребывали в твердой уверенности, что им удастся одним, без японского участия быстро покончить с Советским Союзом. Главное, чего они желали от Японии, — это нападение на Сингапур, чтобы отвлечь внимание Англии и США от Европы.

Гораздо большую заинтересованность германское руководство проявило к привлечению европейских стран к войне против Советского Союза. В первую очередь это касалось Румынии, Финляндии, Венгрии и Болгарии, расположенных близ советских границ. Нацистская дипломатия проявила большие усилия, чтобы втянуть эти страны в Тройственный пакт. И она добилась здесь крупных успехов. Кроме того, Германия искала сближения с Турцией на антисоветской почве. 18 июня 1941 г. был подписан германо-турецкий пакт о дружбе и ненападении». Гитлер

стремился придать войне против СССР характер «крестового похода» и полностью подчинить ресурсы и политику союзников достижению своих стратегических целей. «Опрации, — говорил он Антонеску 12 июня, — которые будут вестись в пространстве от Северного Ледовитого океана до Черного моря, нуждаются в центральном едином руководстве. Естественно, оно будет в наших руках. Мы должны избежать ошибок прежних коалиционных войн»¹⁵.

В Западной Европе германское руководство не видело на ближайшее время серьезной угрозы для себя. Франция — этот традиционный геополитический и военный противовес Германии на европейской арене — была повержена, расчленена и бессильна что-либо принять, как отмечал Гитлер 9 января 1941 года¹⁶. На случай возможных осложнений на Западе предусматривалось ввести в действие план «Аттила» — оккупацию вишистской части Франции. Скандинавия и Балканы находились под пятой «оси». Испания и Турция занимали позиции дружественного по отношению к Германии нейтралитета.

В целом руководство Германии оценивало глобальную и европейскую политическую ситуацию как исключительно выгодную для войны против СССР. «Ныне, — говорил Гитлер на совещании генералитета 30 марта 1941 г. — существует возможность разбить Россию, имея свободный тыл. Эта возможность так скоро не появится вновь. Я был бы преступником перед немецким народом, если бы не воспользовался этим»¹⁷.

Подобные политико-стратегические калькуляции, зыбкие и авантюристичные в своей основе, исходили из главной порочной предпосылки — неверной оценки политической прочности и венно-экономического могущества Советского Союза и стойкости русского народа. Высшие инстанции политического и военного аппарата Германии в превратном свете представляли себе боеспособность Красной армии. Выступая на совещании руководителей вермахта 9 января 1941 г., Гитлер говорил, что «русские вооруженные силы — глиняный колосс без головы»¹⁸. Близки к этому мнению были и другие руководители вермахта¹⁹. Главнокомандующий сухопутных войск Браухич, например, так рисовал перед генералами на совещании 30 апреля 1941 г. картину военных действий на Восточном фронте: «Предположительно крупные приграничные сражения, продолжительностью до четырех недель. В дальнейшем следует ожидать лишь незначительного сопротивления»²⁰.

Предвзятость оказала роковое воздействие на стратегию Гитлера, лишив ее возможности трезво учитывать совокупность основных факторов и условий ведения войны, взятых такими, какими они были в действительности. В Германии, как правильно подметил германский историк Г. Улиг, господствовали «дурные приемы примитивной политической конъюнктурной борьбы — изображать противника слабым, ни на что не способным, достойным презрения, чтобы выставить самого себя в лучшем свете. Информация о Советском Союзе подвергалась цензуре и фильтровалась через предвзятое мнение, вместо того чтобы давать чисто деловую картину, как этого требовали самые насущные интересы. Особая опасность такого подхода заключалась в слепоте перед реальностью...».

Исходя из оценки общего стратегического положения и сил советского государства, германское руководство положило в основу планирования войны против СССР требование максимально быстрого, молниеносного разгрома его вооруженных сил, до того как Англия и Соединенные Штаты сумеют прийти им на помощь. В одном из документов главного командования сухопутных войск вермахта указывалось, что военная цель «Восточного похода» должна состоять в «быстром выведении из строя одного противника в войне на два фронта, чтобы можно было с полной силой обрушиться на другого противника [Англию]»²¹. Характерно в этом отношении и высказывание фельдмаршала Кейтеля: «При разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке я исходил из следующих предпосылок:

- а) исключительные размеры территории России делают абсолютно невозможным ее полное завоевание;
- б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно — линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь от нефти;
- в) для разрешения этой задачи необходим быстрый разгром Красной армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможности возникновения войны на два фронта»²².

Нацистская стратегия придавала фактору времени столь большое значение, что Гитлер настаивал в июле 1940 г. напасть на Советский Союз осенью этого же года. Однако Кейтель и Йодль сочли этот срок совершенно нереальным, ввиду неподготовленности вооруженных сил, районов сосредоточения и развертывания войск и не подходящим с точки зрения метеорологических условий.

22 июля главнокомандующий сухопутными войсками Браухич после совещания у Гитлера дал указание Генеральному штабу сухопутных войск начать разработку плана нападения на Советский Союз. По заданию Гальдера начальник отдела иностранных армий Востока полковник Кинцель занялся исследованием вопроса о наиболее целесообразном направлении главных ударов с точки зрения характера и численности группировки советских войск. Он пришел к выводу, что наступление следует вести в направлении Москвы с севера, примыкая к побережью Балтийского моря, чтобы затем, осуществив громадный стратегический охват на юг, заставить советские войска на Украине сражаться с перевернутым фронтом²³.

Начальник оперативного отдела Генерального штаба генерал Грейфенберг, напротив, считал, что главный удар следует наносить на юге советско-германского фронта. Еще ранее, в конце июля начальнику штаба перебрасывавшейся на Восток 18-й армии генерал-майору Марксу было поручено разработать оперативно-стратегический план военной кампании против Советского Союза. 1 августа он сделал первый доклад генералу Гальдеру с изложением своих идей по плану операций. Они предусматривали развертывание боевых действий двумя крупными группировками войск на московском и киевском стратегических направлениях. Гальдер при этом указал на важность того, чтобы главное направление на Москву не ослаблялось из-за частных операций на соседних участках фронта. (Этот вопрос стал впоследствии предметом острых разногласий в командовании вермахта.)

5 августа Маркс представил Гальдеру законченную оперативно-стратегическую разработку, получившую наименование «План Фриц». В ней намечались два основных стратегических направления — московское и киевское: «Главный удар сухопутных сил должен быть направлен из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву. Поскольку сосредоточение в Румы-

нии невозможно, другого направления главного удара не существует. Попытка обходного маневра с севера лишь удлинила бы путь войск и в конечном счете привела бы их в лесистую область северо-западнее Москвы.

Ведущая идея наступления на основном направлении: прямым ударом по Москве разбить и уничтожить главные силы русской северной группы западнее, внутри и восточнее лесистой области; затем, овладев Москвой и Северной Россией, повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с немецкой южной группой занять Украину и в итоге выйти на рубеж Ростов — Горький — Архангельск». По плану Маркса против Советского Союза предполагалось развернуть группировку войск, насчитывающую 147 дивизий, объединенных в пять армий, из которых три должны были действовать севернее Припятских болот.

Когда с идеями Маркса ознакомили немецкого военного атташе в Советском Союзе генерала Э. Кестринга, он выразил несогласие с тем, что взятие Москвы будет иметь решающее значение для победы над Красной Армией. По его мнению, наличие сильной промышленной базы на Урале позволило бы Советскому Союзу продолжать активное сопротивление, искусно используя имеющиеся и вновь созданные коммуникации. В последующих спорах с главным командованием сухопутных войск (ОКХ) о ведении операций на Востоке эти соображения Кестринга заняли определенное место в аргументации Гитлера и других руководителей ОКВ.

5 августа верховное главнокомандование отдало директиву «Ауфбау Ост» — «Строительные мероприятия на Востоке», положившую начало оборудованию театра военных действий для нападения на СССР. Предусматривалось строительство сети коммуникаций, аэродромов, складов, казарм и прочих военных объектов на территории Польши и Восточной Германии²⁴.

В начале сентября на первого обер-квартирмейстера и постоянного заместителя начальника Генерального штаба генерал-майора Паулюса была возложена задача, основываясь на плане Маркса, разработать соображения относительно группировки войск для войны против Советского Союза и порядка их стратегического сосредоточения и развертывания. К 17 сентября он закончил эту работу, после чего ему поручили обобщить все результаты предварительного оперативно-стратегического планирования.

Это вылилось в докладную записку Паулюса от 29 октября. На ее основе оперативный отдел Генерального штаба составил проект директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию «Ост».

Независимо от Генерального штаба сухопутных войск, по указанию начальника штаба верховного главнокомандования Йодля, в штабе оперативного руководства вооруженных сил с начала сентября велась работа по составлению собственного плана войны против СССР. 19 сентября начальник оперативного отдела ОКВ Варлимонт представил этот план своему шефу Йодлю. Он предусматривал использование трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг» соответственно на ленинградском, московском и киевском направлениях. Главный удар наносился на Москву по кратчайшему пути через Минск и Смоленск. После захвата последних продолжение наступления на центральном направлении планировалось в зависимости от развития обстановки в полосе группы армии «Север». В случае ее неспособности решить поставленные задачи предполагалось приостановить наступление группы армий «Центр» и часть ее сил направить на помощь северному соседу²⁵. Эти идеи существенно отличались от планов ОКХ.

В ноябре–декабре Генеральный штаб сухопутных войск продолжал уточнение и проигрывание на штабных учениях вопросов о главных стратегических направлениях, о распределении сил и средств для наступления, а также согласовывал результаты этой работы со штабом верховного главнокомандования и Гитлером «Изучение всех этих вопросов, — писал генерал Филиппи, — подтвердило прежде всего мнение, что в ходе операций на все более расширяющейся, подобно оронке, к востоку территории не хватит немецких сил, если не удастся решающим образом сломить силу русского сопротивления до линии Киев — Минск — Чудское озеро»²⁶.

К середине ноября под руководством генерал-квартирмейстера Генерального штаба были разработаны основы материально-технического обеспечения войск (из расчета: 3 млн человек, 600 тыс. машин, 600 тыс. лошадей, горючее и запчасти на 700–800 км).

28 ноября начальники штабов групп армий, предусмотренных для ведения наступления, получили указания представить независимо друг от друга соображения по плану операций. В разработке начальника штаба группы армий «А»

(позднее «Юг») генерала Зоденштерна от 7 декабря 1940 г. предлагалось провести наступление тремя ударными группировками. Ведущая идея этого плана заключалась в том, чтобы, сковав советские войска в центре фронта, основные наступательные операции предпринять на флангах и по достижении первой стратегической цели — рубежа Кременчуг — Киев — Могилев — Даугавпилс — нанести удар на Москву по сходящимся направлениям, осуществив тем самым гигантский охват всей западной части Советского Союза. Зоденштерн считал, что временно следует отказаться от овладения окраинными областями на юго-востоке и северо-востоке Советского Союза, а прикрытие внешних флангов ударных группировок осуществлять заслонами, обращенными в сторону Ленинграда и Восточной Украины.

5 декабря генерал Гальдер изложил перед Гитлером основы планируемой военной кампании. Теперь уже окончательно вырисовывались три стратегических направления — ленинградское, московское и киевское. Главный удар Гальдер предлагал нанести севернее Припятской области из района Варшавы на Москву. Проведение операций намечалось силами 105 пехотных, 32 танковых и моторизованных дивизий. Кроме того, предусматривалось использование вооруженных сил Румынии и Финляндии. Для сосредоточения и развертывания этих сил Гальдер считал необходимым восемь недель. Он указал, что с первых чисел апреля или самое позднее с середины этого месяца скрыть от Советского Союза подготовку Германии к войне станет уже невозможно.

Гитлер, одобрив в принципе этот план, заметил, что последующая задача будет состоять в том, чтобы после раскола советского фронта в центре и выхода к Днепру, на московском направлении осуществить поворот части сил главной центральной группировки на север. Они во взаимодействии с северной группировкой должны будут разгромить советские войска в Прибалтике²⁷. Наряду с этим он предлагал в качестве первостепенной задачи разгром всей южной группировки советских войск на Украине. Только после выполнения этих стратегических задач на флангах фронта, в результате чего Советский Союз оказался бы изолированным от Балтийского и Черного морей и лишился важнейших экономических районов, фюрер считал возможным приступить к взятию Москвы. По его мнению, для

разгрома Советского Союза требовалось не более 130–140 дивизий.

Таким образом, еще в ходе планирования войны против СССР в германском командовании выявился разный подход к решению важнейших стратегических задач. Первую линию (концепция «концентрического наступления» на Москву) представлял Генеральный штаб сухопутных войск, вторую (наступление по расходящимся направлениям), которой придерживался и Гитлер, — штаб ОКВ.

Генерал Филиппи писал, что разработанный в сентябре в ОКВ план содержал «опасную идею остановить войска в центре, повернуть подвижные силы на север, чтобы помочь дальнейшему продвижению застрявшего соседа еще до того, как будет предпринято наступление на Москву». «Можно полагать, — отмечал далее Филиппи, — что Гитлер прочно усвоил идею этого „поворота“, подходившую как нельзя лучше к его стратегической концепции, хотя он ее совершенно иначе обосновывал»²⁸. Для него решающее значение имел захват сырьевых и продовольственных ресурсов Советского Союза.

Вероятно, и Геринг сыграл немалую роль в том, чтобы разжечь в Гитлере стремление к достижению военно-экономических целей. В качестве председателя совета министров по обороне империи он потребовал в ноябре 1940 г. от начальника военно-экономического управления штаба ОКВ генерала Томаса составить для него доклад, в котором выдвигалось требование быстрого овладения европейской частью России в связи с обострением продовольственного положения империи и ее трудностей с сырьем. Особенно в нем подчеркивалась необходимость «захватить неразрушенными ценные русские экономические районы на Украине и нефтяные источники Кавказа»²⁹.

Так или иначе, точка зрения штаба ОКВ возобладала и нашла свое отражение в окончательной директиве № 21 Верховного главнокомандования, подписанной Гитлером 18 декабря и получившей кодовое наименование «Барбаросса», которое как бы придавало войне символический смысл крестового похода.

В директиве говорилось, что после рассеяния советского фронта в Белоруссии для основной немецкой группировки, наступающей из района Варшавы, создадутся «предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север с тем, чтобы, во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной

Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности»³⁰.

17 декабря Гитлер в беседе с Йодлем по плану «Барбаросса» особо подчеркнул, что в 1941 г. вермахт должен решить «все континентальные проблемы в Европе, так как после 1942 г. США будут в состоянии вступить в войну»³¹. Следовательно, основная цель плана «Барбаросса» состояла в том, чтобы разбить советские вооруженные силы в одной скоротечной кампании. Директива № 21 требовала закончить подготовку к нападению на Советский Союз к 15 мая 1941 г.

Многие бывшие генералы вермахта и военные историки ФРГ пытались выдать решение Гитлера наступать на Москву только после разгрома советских войск в Прибалтике и на Украине за основной и единственный порок плана «Барбаросса». Они называли это решение «несовместимым с оперативными требованиями». Тот факт, что Генеральный штаб сухопутных войск не отстоял еще при подготовке плана «Барбаросса» своей идеи нанесения главного удара на Москву, генералы вермахта объясняли тем, что у Гитлера отсутствовала необходимая «основа для доверия и понимания», ему было трудно что-либо доказать. А начальник Генштаба Гальдер и главнокомандующий сухопутных войск Браухич, исходя из мысли Мольтке, что «ни один оперативный план не может с определенностью предугадать события, которые последуют за первым столкновением с главными силами противника», полагали: после достижения линии Днепра проводить последующие операции можно будет, исходя из конкретно сложившейся обстановки³².

Ссылки на упрямство и недоверчивость Гитлера не могут служить сколько-нибудь веским алиби для германских генералов. Но дело даже не в этом. Нельзя сводить порочность плана «Барбаросса» только к вопросу о Москве (с тем же правом можно было бы сейчас сказать, что наступление на Москву представлялось невозможным без ликвидации угрозы со стороны фланговых стратегических группировок советских войск). Главное здесь заключается в том, что план «Барбаросса» был превыше сил вермахта, а потому оказался авантюристичным, порочным в своей основе. На совещании Галь-

дера с генералом Фроммом 28 января 1941 г. было установлено, что подготовленных людских резервов для восполнения потерь в войне против СССР хватит лишь до осени 1941 г., а снабжение горючим вызывает серьезные опасения. Войска совершенно не готовились к ведению действий в зимних условиях. Когда ОКХ представило в Верховное главнокомандование свои соображения об обеспечении армии зимним обмундированием, Гитлер отклонил их на том основании, что «Восточный поход» должен закончиться до наступления зимы. Эти зловещие факты не получили правильной оценки со стороны германского генералитета. На совещании командующих группами армий и армиями у Гальдера 14 декабря 1940 г., где подводились итоги штабных игр по плану нападения на Советский Союз, был сделан единодушный вывод, что Красная армия будет разбита в скоротечной кампании, которая займет не более 8–10 недель³³.

31 января ОКХ отдало на основе плана «Барбаросса» директиву по стратегическому сосредоточению и развертыванию. Для ведения операций создавались три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг». Перед ними была поставлена задача рассечь глубокими танковыми клиньями главные силы Красной армии, находившиеся в западной части Советского Союза, и уничтожить их, воспрепятствовав отходу боеспособных войск в «глубину русского пространства». В качестве первой стратегической цели была намечена линия Днепра и Западной Двины. Основные прорывы планировалось осуществить вдоль магистральных шоссе: в полосе группы армий «Центр» — вдоль шоссе Брест — Минск, а на фронте группы армий «Юг» — вдоль шоссе Ровно — Киев.

Для выполнения плана «Барбаросса» были развернуты громадные вооруженные силы. К июню 1941 г. они насчитывали в целом 7234 тыс. человек³⁴. Из них в сухопутных войсках и армии резерва было 5 млн человек, в ВВС — 1680 тыс., в ВМС — 404 тыс., в войсках СС — 150 тыс. человек. С 1 сентября 1939 по 6 апреля 1941 г. число дивизий в действующих сухопутных войсках возросло с 88 до 190. К моменту нападения на СССР их было уже 209. Из них для выполнения плана «Барбаросса» были выделены 152 дивизии и две бригады. Кроме того, страны — сателлиты Германии выставили против СССР 29 дивизий (16 финских, 13 румынских) и 16 бригад (три финские, девять

румунских и четыре венгерские), в которых числилось в общей сложности 900 тыс. солдат и офицеров. Следовательно, всего против СССР противник развернул 181 дивизию и 18 бригад. Ударная сила «восточной армии» — танковые войска имели около 3500 танков и штурмовых орудий. В сухопутных войсках было 7200 орудий.

Основные силы были сосредоточены в группе армий «Центр», которая имела задачу расколоть советский фронт стратегической обороны. Главная ставка делалась на сокрушающую мощь внезапного удара массивованными силами танков, пехоты и авиации и на их молниеносный бросок к важнейшим центрам Советского Союза. Для поддержки сухопутных войск, действовавших против Красной армии, было выделено четыре воздушных флота. Кроме того, сателлиты Германии выставили против Красной армии около 1000 самолетов.

Сосредоточение немецких войск к исходным районам с помощью железнодорожного транспорта началось в январе. Постепенно нарастая, оно проводилось вплоть до июня пятью эшелонами. Для этих целей потребовалось 97 тыс. железнодорожных составов. К концу февраля в исходных районах находились 25 дивизий, в марте прибыло еще семь, в апреле — 13, в мае — 30 и до 22 июня — еще 51 дивизия. Сосредоточение военно-воздушных сил началось с 10 июня.

Для скрытия подготовки нападения на Советский Союз германское командование усиливало мероприятия по дезинформации. С этой целью Кейтель издал 15 февраля 1941 г. специальную директиву по дезинформации противника. Проведение дезинформационных мероприятий разбивалось на два этапа. На первом, примерно до апреля 1941 г., предусматривалось создать ложное представление относительно намерений немецкого командования, акцентируя при этом внимание на планах вторжения в Англию и на подготовке операции «Марта» (против Греции) и «Зонненблуме» (в Северной Африке).

На втором этапе, когда скрыть подготовку к нападению на Советский Союз, как отмечалось в директиве, станет уже невозможно, стратегическое развертывание сил для операции «Барбаросса» должно было быть представлено в свете величайшего в истории войн дезинформационного маневра с целью «отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию». Чтобы создать иллюзию подготовки вторжения немецких войск в Англию,

командование вермахта распространяло дезинформационные сведения о несуществующем «авиадесантном корпусе». Оно также прикомандировало к войскам переводчиков с английского языка, отдало приказ напечатать в массовом количестве топографические материалы по Англии, подготовило «оцепление» определенных районов на побережье Ла-Манша, Па-де-Кале и в Норвегии, разместило на побережье ложные «ракетные батареи» и пр. Кроме того, были разработаны специальные операции «Хайфиш» и «Харпуне», чтобы усилить впечатление подготовки высадки десантов в Англию из Норвегии и Северной Франции.

30 апреля срок нападения на Советский Союз был перенесен с 15 мая на 22 июня. К этому времени большая часть соединений вермахта, участвовавших в захвате Югославии и Греции, была переброшена в район действий «Барбаросса». Развернутая против СССР группировка противника намного превосходила противостоявшие ей силы Красной армии. На 21 июня в советских западных округах насчитывалось 2,9 млн человек в составе всех видов вооруженных сил и родов войск³⁵. Против них было выставлено в одних сухопутных войсках Германии (с учетом армий сателлитов) около 4,2 млн человек. Группировка советских войск была в оперативном отношении крайне невыгодна для отражения удара превосходивших сил врага. Из 170 дивизий, входивших в состав Ленинградского округа, Прибалтийского, Западного, Киевского особых округов и Одесского военного округа, в их первом эшелоне к утру 22 июня на фронте от Балтийского моря до Карпат имелось только 56 дивизий (32%). Остальные дивизии, входившие в состав этих округов, находились на марше или в районах сосредоточения на общей глубине от 300 до 400 км от границ. Противник же имел в это время перед фронтом советских округов в первом эшелоне 63 % всех соединений армии вторжения.

Таким образом, к моменту нападения на Советский Союз Гитлер располагал громадными военно-политическими и экономическими преимуществами. Вся Западная, Северная и Южная Европа, за исключением Англии, лежала с ее экономическими и людскими ресурсами у его ног. В результате заключения с Гитлером пакта о ненападении в августе 1939 г. Сталин поставил Советский Союз вплоть до 22 июня 1941 г. в положение полной международной изоляции. С этим были связаны и другие ошибки и просчё-

ты, сыгравшие роковую роль в судьбе советского народа. Пакт позволил Гитлеру обрушить удар вермахта против Франции, не опасаясь за свой тыл на Востоке и вести войну только на одном фронте.

После разгрома Германией Франции в мае-июне 1940 г. советская политика должна была сделать все возможное, чтобы решительно пойти на сближение с Англией и США и заключить с ними союз, противопоставленный державам «Оси». Для этого имелись все необходимые условия. Вместо этого Сталин предпочел дальнейшее сотрудничество с Гитлером и заигрывание с державами «Оси». Из Советского Союза в Германию вплоть до 22 июня 1941 г. потоком шли сырье, продовольствие и нефть. И все это, несмотря на то, что в Москву по различным каналам — и от Черчилля, и от Бенеша, и от собственной разведки, и от других источников — текла достоверная информация о том, что Германия изготовилась к войне против Советского Союза. Даже называлась конкретная дата нападения.

Но Сталин полностью игнорировал эти предупреждения, он отмахивался от них. А в высших военных и государственных структурах не нашлось ни одного человека, который бы нашел в себе мужество обрисовать перед ним реальное положение вещей и смертельную опасность, нависшую над страной. Даже начальник главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генерал-полковник Ф. И. Голиков, в чью святую обязанность входило объективное информирование правительства о внешних угрозах, накладывал на агентурные донесения о надвигающейся нацистской агрессии резолюцию: «Дезинформация». Все подстраивалось под мнение Сталина, только бы не впасть в немилость вождя.

14 июня 1941 г., за неделю до начала нацистской агрессии против СССР, ТАСС опубликовал в центральных органах печати особое заявление, в котором он по уполномочию советского правительства возвестил, что слухи о якобы готовящемся нападении Германии на Советский Союз лишены оснований. Это заявление, сделанное в соответствии с установкой Сталина, дезориентировало народ и армию, дорого обошлось стране. Вооруженные Силы страны не были своевременно приведены в готовность к отражению агрессии. За дилетантизм и роковые ошибки Сталина советскому народу пришлось тяжело расплачиваться своей кровью. Немецким войскам удалось до конца 1941 года выйти

вплотную к Ленинграду и Москве, захватить почти всю Украину.

Но на этом все политические, стратегические и экономические расчеты Гитлера и его генералов, основанные на «молниеносной войне» по плану «Барбаросса», рухнули. Советский народ, государственные органы и военное командование сумели быстро оправиться от первых тяжелых поражений и в упорных боях остановить наступление вермахта. Еще в середине октября Гитлер говорил своим приближенным: «22 июня мы распахнули дверь, не зная, что за ней находится»³⁶.

Декабрьское контрнаступление Красной армии впервые с начала Второй мировой войны заставило германское командование перейти к стратегической обороне. Приказ об этом был отдан ставкой Гитлера 8 декабря 1941 г. В нем говорилось: «Главным силам войск на Востоке по возможности скорее перейти к обороне...»³⁷. Основная цель плана «Барбаросса» — «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной молниеносной кампании» — не была достигнута. вермахт не только оказался не в состоянии разгромить Красную Армию, но и сам потерпел жестокое поражение под Москвой. Перед Германией возникла перспектива затяжной войны, в которой у нее не было никаких шансов на победу.

Готовясь к борьбе за господство в Европе, гитлеровское руководство постаралось сделать всё возможное, чтобы избавить Германию от необходимости вести войну на два фронта. Благодаря пакту Молотова-Риббентропа, заключенному 23 августа 1939 г., оно добилось нейтралитета Советского Союза для проведения военных кампаний на Западе. Это позволило военной машине Гитлера без труда расправиться с Францией. Тем самым Германия обезопасила себя с Запада для войны против Советского Союза. Казалось, сбылись самые смелые мечты германских генштабистов: путь для военного похода на Восток был для них открыт. Но после 22 июня 1941 г. для них случилось совершенно невероятное и непостижимое. Германия оказалась неспособной одержать победу только на одном советско-германском фронте! До высадки западных союзников в Нормандии в июне 1944 г. вермахт в единоборстве с Советской Армией потерпел сокрушительное поражение. Судьба Второй мировой войны и фашистской Германии была решена на полях сражений в Советском Союзе.

- ¹ Гальдер Ф. Военный дневник. М. 1969, Т. 2, С. 80
- ² Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt am Main, 1965, Bd. I, S. 360, 363 (в дальнейшем: КТВ ОКВ).
- ³ Hull C. The Memoires. N.Y., 1948. Vol.II. P. 90.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959. С. 497.
- ⁶ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, P. 150;
- ⁷ Sherwood R. Roosevelt and Hopkins. N-Y. 1950. P. 235.
- ⁸ Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. М., 1956. С. 270; Klein B. Germany's Economic Preparations. Cambridge, 1959. P. 99.
- ⁹ Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler 1939–1941. Hrsg. von A. Hillgruber. Frankfurt am Main 1967. S. 507.
- ¹⁰ Ibid. S. 510.
- ¹¹ Ibid. S. 335; см. также: Kase T. Eclipse of the Rising Sun. L., 1951. P. 160; Presseisen E. Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy 1933–1941. The Hague, 1958. P. 301; Butow R. Toja and the Kaming of the War. Princeton, 1961. P. 208; Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler 1939–1941. S. 598.
- ¹² Нурке Н. Japans Russlandpolitik 1939–1941. Frankfurt a/M., 1962. S. 128.
- ¹³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 80; КТВ ОКВ, Bd.I, S. 257.
- ¹⁴ Нурке Н. Japans Russlandpolitik 1939–1941. Frankfurt a/M., 1962. S. 128.
- ¹⁵ Hillgruber A. Der Einbau der verbündeten Armeen in die deutsche Ostfront 1941–1944; Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1960. № 12. S. 662.
- ¹⁶ КТВ ОКВ. Bd. I. S. 225.
- ¹⁷ Gaszony P. Über die Vorgeschichte des deutschen angriffs auf die Sowjetunion im Juni 1941. Allgemeine schweizerische Zeitschrift, 1966, Nr. 7, S. 400.
- ¹⁸ КТВ ОКВ Bd1. S. 257.
- ¹⁹ Hillgruber A. Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung. S. 211. International Military Tribunal., Vol XXXVI. Doc. 873-P8. P. 400.
- ²⁰ Uhlig H. Das Einwirken Hitlers auf die Planung und Führung des Ostfeldzuges. „Aus Politik und Zeitgeschichte“, 1960. 16 März. S. 166.
- ²¹ КТВ ОКВ. Bd. I, S. 1033.
- ²² Военно-исторический журнал. 1961. № 9.
- ²³ Weinberg G. Hitlers Entschluss zum Angriff auf die Sowjetunion. „Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte“. 1957. H. 4. S. 309.
- ²⁴ Higgins T. Hitler and Russia. The Third Reich in a Two-Front War 1937–1943. N.Y., 1966. p. 64; Seth R. Operation Barbarossa. London, 1964. P. 94–95.
- ²⁵ Blau G. The German Campaign in Russia. Planning and Operations (1940–1942). Washington., 1955. P. 13.
- ²⁶ Philippi A., Heim F. Op. cit. S. 31.
- ²⁷ КТВ ОКВ. Bd. I. S. 982.
- ²⁸ См. Hillgruber A. Hitlers Strategie. S. 230.
- ²⁹ Philippi A., Heim F. Op. cit. S. 43.
- ³⁰ Hitlers Weisungen. S. 86.
- ³¹ КТВ ОКВ. Bd. I. S. 996.
- ³² Philippi A., Heim F. Op. cit. S. 47:18.
- ³³ Blau G. Op. cit. P. 20.
- ³⁴ КТВ ОКВ, Bd. I, S. 97E.
- ³⁵ Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С. 10.
- ³⁶ Hitler`s secret Conversations 1941–1944. N.-Y., 1953. P. 59.
- ³⁷ Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. S. 171.